

ангел один в своем роде, солнце едино, едина луна и подобное. Поэтому двоица, или двойственность, не заслуживает того, чтобы именоваться благой; ибо она — зло, во зле и от зла.

Это и все, уже сообщенное по этому поводу, я теперь изложу короче и ясней. Двоица, или двойственность, как и деление, всегда есть отпадение и удаление от Самого Единого. Ибо того, что делится, уже нет. Сказанному не противоречит, что, будучи разделенными, кусок дерева или нечто подобное и далее пребывают деревом и подобным. Ведь разделение дерева как таковое относится только к количеству дерева. Впрочем, поделенный кусок дерева уже никогда не сохранит прежней величины. Если, например, раньше он был длиной с локоть, то после разделения он уже не будет длиной с локоть и т.д. Равным образом обстоит дело с вещами, коих бытие не заключено в их величине; отделенные [от целого], они отпадают от самого бытия, как, скажем, отделенный глаз, отделенная рука, нога отделенная, и так всюду. Из сего я делаю краткое заключение: что отпадает или удаляется от бытия, то волей-неволей отпадет и от блага, ведь благое и сущее обратимы друг в друга, ведь понятие «блага» последует за понятием «бытия» и зиждется на нем. И вот двоица, двойственность, будучи разделением, есть, как показано, отпадение и отклонение от бытия. Итак, двоица есть нечто недоброе и бесславное; она, может быть, даже не является числом.

Поэтому Авиценна говорит о сущности числа в «Метафизике», кн.III: «Иные утверждают, что двоица не есть число и не принадлежит к числовому ряду»²⁹⁵. Сего придерживаются Августин в гл.42 «Книги вопросов по Второзаконию»²⁹⁶ и Григорий в кн.1, гл.16 «Моралий»²⁹⁷. Ибо Августин и Григорий желают, чтобы семерка была составлена «из первого нечетного числа, то есть трех», и «первого четного числа, то есть четырех», но Авиценна в указанном месте не соглашается с этим. В [моем] первом труде, в трактате «О едином и его противоположности» ты найдешь превосходные доводы, приведенные Августином и Григорием²⁹⁸.

Таким образом, о сотворенном во второй день не может быть сказано, «что сие хорошо», ибо двоица есть удаление и отпадение от блага.

И опять, «почему во второй день не сказано, что сие хорошо»²⁹⁹, вопрошает рабби Моисей: может быть, потому, что только совершенство вещей достойно называться хорошим, ведь благое и цель суть одно. Но, как мы можем прочесть, «сотворение вод завершилось» лишь на третий день³⁰⁰. А может быть, потому, что о тайной, сокровенной или неведомой вещи нельзя сказать, что она хороша, ведь не известно, что она есть. Но таковы суть воды «над твердью».

10. «И назвал Бог сушу землею».

Рабби Моисей замечает две вещи. Первое, что «где бы ни говорилось: "Бог назвал то-то так или иначе", это обозначает не что иное», как то, что Он сие отделил от того, с чем оно имеет что-либо «общее»³⁰¹.

Из этого он изводит второе. В сказанном выше: «В начале сотворил Бог небо и землю», имя земли обычно берется как обозначение «всего, что располагается ниже сферы луны, то есть четырех элементов»³⁰². Здесь же, где речь ведется во второй раз о земле, земля означает «в отдельности последний из элементов»³⁰³: поэтому говорится *и назвал Бог сушу землею*³⁰⁴.